

Читатель «Писем», естественно, мог ожидать обильных исторических экскурсов, связанных с описанием достопримечательностей Европы. Эти экскурсии, действительно, довольно многочисленны, но они имеют совершенно особый характер. Не стремясь ослепить читателя «учебой пылью», Карамзин избегает всякой перегрузки текста датами и фактами, недостаточно занимательными, с его точки зрения. Главным временным фоном для автора «Писем» неизменно остается настоящее, и «знаки минувших столетий» интересуют путешественника в их соотносительности с современностью. Исторические примеры не лишены при этом традиционного дидактизма.

Повестью о судьбе герцога Рогана, главы протестантов, покоровшего врагов своим благородством, автор «Писем» заключает: «Так торжествует добродетель, и друг человечества проливает радостные слезы! — Подобные черты великодушия суть блестящие перлы в мрачной истории веков». (I, 316). Памятники выдающимся историческим деятелям вызывают у русского путешественника размышления о их характере, их роли в судьбе своей страны.

По сравнению с Гердером Карамзин значительно теснее связан с просветительскими традициями, и это проявилось прежде всего в двух аспектах: в отношении к средневековью и в трактовке образа Петра I.

Говоря об экспонатах, хранящихся в Бернском музее, Карамзин характеризует средневековье следующим образом: «Не знаю, любезные друзья мои, какой хлад разливается по моим жилам при виде памятников рыцарского времени, когда люди всегда более верили руке своей и — провидению; когда число побед бывало числом достоинств человека и когда в храбрости вмещалось понятие всех добродетелей» (I, 271). Очевидно, писателю чужда суровая этика «рыцарского времени».

Порицая Ш. Левека, не оценившего исторических заслуг Петра, Карамзин выступает как непосредственный преемник русских просветителей XVIII в., которые на протяжении нескольких десятилетий изображали Петра идеальным государем. Вполне в духе этой отечественной традиции Карамзин противопоставляет Петра Людовику XIV: «...сии два героя были весьма неравны в великости духа и дел своих. Подданные прославили Лудовика, Петр прославил своих подданных» (I, 343).

Однако принципы идеализации Петра у Карамзина уже во многом отличаются от его предшественников. Характерно, в частности, отношение путешественника к анекдоту о словах Петра, якобы сказанных в похвалу Ришелье внуку этого кардинала: «Твой дед был величайший из министров, я отдал бы половину своего государства за то, чтобы научили меня править другою, как он правил Франциею». «Не верю этому анекдоту, — заявляет Карамзин, — или государь наш не знал всех злодейств кардинала, хитрого министра, но свирепого человека, врага непримиримого,